

Распространенность школьной травли среди старшеклассников в РФ: социально-экономические и образовательные факторы

Аннотация: в статье рассматриваются основные характеристики распространенности школьной травли в России и в мире, ее ролевая структура, социально-психологические последствия, а также семейные и школьные факторы риска и профилактики буллинга. Приводятся результаты исследования, проведенного Лабораторией профилактики асоциального поведения НИУ ВШЭ, испытуемыми в котором выступил 891 старшеклассник, проживающий в 5 федеральных округах РФ. Согласно этим результатам, распространенность школьного буллинга в России представляется крайне высокой (в роли жертвы или свидетеля с травлей хотя бы раз сталкивается 75% опрошенных). Среди основных коррелятов распространенности травли рассматриваются гендерные характеристики, уровень успеваемости школьника, социально-экономические характеристики его/ее семьи, а также факторы школьного климата.

Ключевые слова: буллинг, школьная травля, распространенность буллинга в России, школьный климат, гендерные и социальные различия в виктимизации.

Abstract: main characteristics of school bullying prevalence in Russia and other countries in the world are discussed in the following paper, as well as classification of bullying roles, bullying consequences and family and school factors of victimisation. The results of the study of school bullying conducted by the Laboratory for Prevention of Asozial Behaviour of the Institute of Education (HSE) on the sample of 891 high-school students, living in 5 Federal districts offRussia are given. According to these results the prevalence of school bullying in Russia is high (75% of the sample have faced any type of bullying in the position of a victim or a bystander at least once in two months before the research). Among the main correlates of school bullying prevalence gender, GPA, socio-economical characteristics of student's family and factors of school climate are considered.

Key words: school bullying, prevalence of school bullying in Russia, school climate, gender and social differences in victimisation.

Введение: Проблематика школьной травли оказалась в фокусе современных ученых-психологов сравнительно недавно, с середины 80х гг. Ранее к вопросам жестокого отношения учеников к своим одноклассникам относились в большей степени как к норме: предполагалось, что прохождение через подобного рода конфликтные отношения - неотъемлемый этап взросления, который имеет непродолжительный характер и не опасно с точки зрения психического благополучия человека в будущем [1].

Первое систематическое исследования школьного буллинга было проведено Д. Олвеусом [4]; согласно результатам этой и последующих работ стало ясно, что травля в школах имеет впечатляющую распространенность. Современная статистика показывает, что в мире хотя бы один раз с травлей сталкивалась примерно треть школьников [3], хотя существуют значимые различия между странами (В Азии показатели значимо ниже, в Латинской Америке - выше). Если говорить о России, то согласно данным PISA за 2015 год, 27% школьников в России хотя бы раз за год подвергались физическому или вербальному буллингу, а также социальной агрессии; 9,5% школьников в России оказывались жертвами травли часто (как минимум, несколько раз за месяц).

Вовлеченность в травлю имеет серьезные психологические последствия, причем как непосредственно в момент ее осуществления, так и в дальнейшей

взрослой жизни [7]. На текущий момент известно, что подобные последствия есть не только для тех детей, которые оказались в позиции жертвы (у них снижается самооценка, они больше страдают от депрессивных и тревожных расстройств, переживают чувство одиночества и т.д.), но и для инициаторов травли (у них во взрослой жизни выше вероятность совершения противоправных действий, а также суицидального поведения), и для тех, кто оказывается в позиции жертвы и булли одновременно (выше риски суицидальных намерений, противоправного поведения, ношения оружия) [6]. Ролевая структура ситуации буллинга является самостоятельным предметом исследований, в рамках которых травля рассматривается не столько как динамическое взаимодействие между агрессором и жертвой, сколько сложный социальный феномен, в который вносят вклад институциональные и культурные факторы, и в который вовлечен весь коллектив класса. Крайне важной представляется роль свидетеля, ведь именно на их одобрение направлены, зачастую, действия агрессора, которыми он хочет повысить или удержать свой социальный статус.

Среди факторов риска и профилактики виктимизации рассматриваются семейные, школьные, индивидуальные характеристики. Большинство авторов в качестве фактора повышения вероятности того, что ребенок станет жертвой травли, рассматривается социально-экономический статус семьи, в первую очередь - уровень дохода и образование родителей [2], [8]. Дети из менее обеспеченных семей, а также семей, в которых у родителей есть только высшее образование, часто становятся объектами насмешек и издевательств со стороны сверстников.

Основной характеристикой школы, влияющей на уровень распространенности травли, является школьный климат. Понятие школьного климата определяется как совокупность коллективных представлений, ценностей, аттитюдов, которые превалируют в школе и воспроизводятся через социальные взаимодействия между школьниками, учителями и другими членами школьного коллектива. Школы, в которых уровень травли является наименее высоким, отличаются следующими качествами [5]:

понятной системой правил поведения и отслеживание выполнения правил;

высоким уровнем готовности помочь со стороны учителей;

наличием у учеников возможности принять участие в разработке правил в отношении последствий школьной жестокости;

распространенностью среди школьников и учителей представлений о буллинге как об однозначно негативном явлении;

высоким уровнем компетентности учителей: способностью к кооперации с коллегами, нахождению консенсуса и коллективному принятию решений, насколько глазах учеников обладают лидерскими качествами, и насколько хорошо умеют договариваться и приходить к консенсусу. Важно, чтобы в глазах учеников учителя обладали лидерскими качествами.

субъективной важностью для учителей вопросов, связанных с профилактикой поведения травли, готовностью работать над ее предотвращением и над улучшением учительски-ученических отношений.

Последние исследования предлагают более сложные модели влияния социально-демографических характеристик семьи на вовлеченность ребенка в

травлю. Так, например, в британском исследовании, проведенном на более чем 23 тысячах учащихся 4-5 классов школы, при обработке данных методом многоуровневой логистической регрессии было показано, что школьные факторы являются модераторами связи между вовлеченностью в травлю и характеристиками семьи: в школах с низкими показателями социально-экономического статуса контингента жертвами травли оказываются дети из более благополучных семей [2].

Методика: Целью нашего исследования стало выяснения степени распространенности школьной травли в РФ на сегодняшний день. В основу разработанной нами анкеты легли англоязычные методики оценки буллинга с высокими показателями психометрических свойств - (Adolescent Peer Relation Instrument (Parada, 2000), Socail Bullying Involvement Scales (Fitzpatrick, Bussey, 2011), Cyberbullying and Online Aggression Survey (Patchin, Hinduja, 2006). На основании данных пунктов анкеты оценивалась ролевая принадлежность ребенка в ситуации травли (оказывается ли он жертвой, булли, свидетелем), а также тип буллинга - физический, вербальный, социальная агрессия, кибербуллинг.

Также в анкету вошли вопросы, отражающие социально-демографические характеристики ребенка, состав семьи, миграционный статус семьи, уровень образования и занятости родителей, уровень доходов семьи.

В анкете присутствовали вопросы, связанные со школой: состав класса, успеваемость по русскому, математике, физкультуре, а также вопросы о школьном климате: эмоциональная и деловая доступности учителей, соблюдение внутришкольных правил и дисциплины, отношение ученик-учитель и учитель-учитель, безопасность в школе.

Отдельный блок вопросов касался предпочтений детей в проведении свободного времени, особенностей их активности в Интернете и социальных сетях, а также посещения дополнительных занятий.

Все вышеперечисленные переменные, на наш взгляд, могут выступать в качестве предикторов вовлеченности в школьную травлю.

Выборка: в исследовании приняли участие ученики 9-10 классов (средний возраст 16 лет) из 5 федеральных округов: Центрального, Северо-Западного, Приволжского, Уральского и Сибирского. Общее количество участников - 891 человек, из них 54% девушек.

Результаты: Нами были получены следующие данные относительно распространенности буллинга в школах.

33% подростков ни разу не чувствовали себя в роли жертвы за прошедший месяц в школе;

41% подростков ни разу не принимал участия хотя бы в одном виде травли в роли агрессора;

35% подростков ни разу не были свидетелями (не видели, не слышали) того, как кто-то из учеников подвергается разным видам травли;

Наиболее распространенная частотность вовлеченности в школьную травлю – 1-2 раза в месяц;

Наиболее распространенный тип травли – вербальный буллинг (63% учеников вовлекались в него хотя бы 1 раз);

Наименее распространенный тип травли – кибербуллинг (только половина учеников вовлекалась в него хотя бы 1 раз).

Гендерные различия: Мальчики значимо чаще выступают как жертвами физического буллинга ($U=64146$, $p<0,05$), так и агрессорами в ситуации физической травли ($U=65254$, $p<0,05$). Девочки при этом значимо чаще выступают свидетелями социальной агрессии ($U=64162$, $p<0,05$);

Различия по характеристикам семьи:

А. Дети из семей, в которых работает только мать, демонстрируют более высокие показатели по виктимизации в целом ($\chi^2 = 16,9$, $p<0,05$), в частности – по подверженности социальной и вербальной агрессии ($\chi^2 = 12,3$, $\chi^2 = 19,64$, $p<0,05$, соответственно);

Б. Дети из семей, в которых высшего образования нет у обоих родителей, чаще становятся жертвами социальной агрессии со стороны сверстников ($\chi^2 = 6,7$, $p<0,10$), и при этом чаще становятся инициаторами травли ($\chi^2 = 6,9$, $p<0,10$), в первую очередь, вербальной.

В. Дети из семей с более низким уровнем дохода чаще становятся жертвами травли ($\chi^2= 10,4$, $p<0,05$), в первую очередь, социальной и вербальной агрессии.

Связь вовлеченности в буллинг и успеваемости

Вовлеченность в травлю в качестве жертвы отрицательно коррелирует со средним баллом по математике и русскому языку ($\rho=-0,52$, $\rho=-0,09$, $p<0,05$, соответственно).

Связь характеристик школьного климата между собой.

Присутствуют высокие значимые положительные интеркорреляции между показателями школьного климата - безопасности школы, отношения учителей и общего школьного климата ($\rho= 0,36$, $\rho = 0,55$, $\rho = 0,68$, $p<0,01$, соответственно).

Различия в оценке школьного климата

Дети, не оказывавшиеся в позиции жертвы, оценивают доступность учителя (эмоциональную и деловую), общий школьный климат и безопасность в школе значимо выше, чем дети, которые становятся жертвами 1-2 раза в месяц; оценки детей, которые оказываются жертвами 3 и более раз в месяц, также значимо ниже, чем в первых двух группах (хи-квадрат=16,11, 23,7, 16,5, $p<0,01$, соответственно, использован непараметрический критерий Краскела-Уоллиса);

Дети, не оказывавшиеся в позиции булли, оценивают доступность учителя (эмоциональную и деловую) и общий школьный климат значимо выше, чем дети, которые становятся инициаторами травли 1-2 раза в месяц; оценки детей, которые оказываются булли 3 и более раз в месяц, также значимо ниже, чем в первых двух группах (хи-квадрат=19 и 14,3, $p<0,01$, соответственно, использован непараметрический критерий Краскела-Уоллиса);

Дети, не оказывавшиеся в позиции наблюдателя травли, оценивают доступность учителя (эмоциональную и деловую), общий школьный климат и безопасность в школе значимо выше, чем дети, которые становятся наблюдателями травли 1-2 раза в месяц; оценки детей, которые наблюдают травлю 3 и более раз в месяц, также значимо ниже, чем в первых двух группах (хи-квадрат=16,7, 18,5, 13,7, $p<0,01$, соответственно, использован непараметрический критерий Краскела-Уоллиса).

Выводы: результаты исследования, проведенного на учащихся 9-10 классов, проживающих в разных регионах РФ, показывают высокую степень вовлеченности российских подростков в школьную травлю: почти 3/4 выборки хотя бы единожды за прошедшие 2 месяца учебного года сталкивались с проявлением того или иного вида травли, примерно такая же доля опрошенных являлась свидетелями того, как кто-то становится жертвой. Мальчики чаще являются и жертвами и инициаторами травли, особенно физической, что не противоречит международным результатам. Важными с точки зрения разработки школьных программ профилактики и противодействия травле являются такие факторы виктимизации современных российских школьников, как низкий уровень доходов и образования родителей, а также их профессиональной занятости; сниженная успеваемость ученика по основным школьным предметам. Так же, как и в зарубежных исследованиях, было продемонстрировано, что такие характеристики школьного климата, как высокая вовлеченность учителей и доступность их для контакта с учениками, наличие четких правил и обязательность их соблюдения, субъективное переживание безопасности в школе и ее окрестностях являются положительными коррелятами снижения риска травли.

Список источников:

1. *Bullying: implications for the classroom / ed. by Cheryl E. Sanders, Gard de Phye. California: Elsevier Academic Press, 2004.*
2. *Fink E., Patalay P., Sharpe H., Wolpert M. Child-and school-level predictors of children's bullying behavior: A multilevel analysis in 648 primary schools // Journal of educational psychology. 2018. Vol. 110 (1). P. 17.*
3. *Modecki, K. L., Minchin J., Harbaugh A. G., Guerra N. G., Runions K. C. Bullying prevalence across contexts: A meta-analysis measuring cyber and traditional bullying // Journal of Adolescent Health. 2014. Vol. 55(5), P. 602-611.*
4. *Olweus D. Victimization by peers: Antecedents and long-term outcomes // Social withdrawal, inhibition, and shyness in childhood / Ed. by K.H. Rubin, J.B. Asendorf. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1993. P. 315– 341.*
5. *Laftman S.B., Östberg V., Modin B. School climate and exposure to bullying: a multilevel study // School Effectiveness and School Improvement. 2017. V.28, P. 153-164.*
6. *Zych I., Farrington D., Llorent Vol. J., Ttofi M.M. Protecting children against bullying and its consequences. London: Macmillan Publishers, 2017.*
7. *Реан А.А. Психология агрессии у подростков // Психология девиантности. Дети. Общество. Закон / Под ред. А.А. Реана. М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2016. С. 96–107.*
8. *Собкин В.С. Смылова М.М. Буллинг в стенах школы: влияние социокультурного контекста (по материалам кросскультурного исследования) // Социальная психология и общество. 2014. №. 2. С. 71–86.*